

11-4 МАР 1972

О КНО в детской распахнулось и в комнату влетел Питер Пэн. Мальчишка был одет в костюм из осенних листьев и паутины. Питер Пэн искал потерянную тень, которую взрослые спрятали в ящик комода. Так на сцене Центрального детского театра в 1968 году появился герой сказки англичанина Дж. Барри.

Играла Питера Пэна Тамара Мурина. Она недавно окончила студию ЦДТ, была занята в нескольких спектаклях театра: «Чудеса в полдень» (Степан), «Король Матиуш I» (Клю-Клю), «Двадцать лет спустя» (Дуня). Ее заметили, о ее Питере Пэне писали. Можно было продолжать играть мальчишек и девчонок, но она вдруг ушла из Детского — наперекор, казалось бы, своему амплу.

Мурина — маленькая и без грима похожая на подростка — типичная травести. Но вот что любопытно: еще в ЦДТ она репетировала Мавру, кухарку из гоголевских «Записок сумасшедшего», и еще одну кухарку — в «Смерти Тарелкина» Сухово-Кобылина. Оба эти спектакля готовились как студийные, в свободное время, иногда по ночам. Работы эти не увидел широкий зритель. Но любопытен сам факт: Мурина оказалась среди тех, кто ищет, кто пробует себя в репертуаре, совсем не похожем на детский...

А в Театре сатиры, куда Т. Мурина пришла в 1969 году, она продолжает играть подростков. Изменилось ли что-нибудь? Пожалуй, да. Во «взрослом» театре и отношении актрисы к своим маленьким героям стало взрослым — более вдумчивым и глубоким.

Детству принадлежал Питер Пэн, он был поселен в нем навечно. Герой повести А. Линдгрен «Малыш и Карлсон, который живет на крыше» существует в мире взрослых, в их суете сует. Питер Пэн — являющаяся людям сказка. Малыш — мальчишка из реального мира, это ему явилась сказка в обличье Карлсона.

Мурина играет Малыша после превосходной исполнительницы — Б. Захаровой, играет по своему (повторять чужой рисунок роли ей несвойственно). На сцене — ребенок, которому открыва-

ПОРТРЕТЫ МОЛОДЫХ Г Е Р О И П Р И Ш Л И И З С К А З К И

ется мир человеческих отношений. Игра для него еще неотделима от реальности: он не прочь пошалить, «расчихать» мусор, перевернуть все в доме вверх дном. Но, играя, он узнает, как непросто бывает побороть зло — хотя бы ту же «домочительницу» фрекен Бок, способную затоптать своими ножницами самую прекрасную выдумку. Он учится быть добрым, щедрым, и не беда, что в его силах пока лишь одарить Карлсона сладостями или повязать ему на шею «некусачий» шарф. Малыш постепенно осознает свою значимость и ответственность перед людьми.

Для этой роли актрисе потребовалось и умение моментально установить контакт с залом, в котором сидят семилетние театралы, и безукоризненный профессионализм, помогающий сохранять легкость импровизации в часто идущем спектакле, и, конечно, способность к активному действию на сцене.

Роль Дочери в трагикомедии А. Макаенка «Затюканный апостол» — иного плана. В спектакле, где все внимание автора и зрителей сосредоточено на главном герое, Мурина играет наблюдательницу, маленькую Еву, которой любопытны и принесенная отцом скабресная игрушка, и потасовки сверстников, и непонятные изречения брата. «Ну ты.. эмбрион!» — бросает тот в раздражении. Он прав: в этой настырной девчонке в джинсах и полосатой майке навыпуск как бы скрыты в зародыше и хорошие, и дурные качества. Она — вещество, готовое принять любую форму: хрипло горланит, свистит наподобие уличного сорванца — и

тут же солидно мажет губы маминой помадой, принимает позу соблазнительницы и по-детски сворачивается клубком на ковре. По природе мягкая, добрая, она мечется среди окружающих ее людей и понятий, пытается найти себе место в мире, где все так запутано...

Дочь в «Затюканном апостоле» — первая «премьерная» роль Муриной в Театре сатиры. Все, что было до этого, — вводы. Учительница-чудачка Настя в «Последнем параде». Сказочная принцесса Аделия в «Волшебных кольцах Альмазора». Фаншетта в «Женитьбе Фигаро» — маленькая кокетливая плутовка с невинной рожицей. В этой роли Мурина совсем иная; изящно приседает в реверансе, движется мелкими, «кукольными» шажками. А вообще она любит носиться по сцене, чувствуя там себя, как дома. Любит длинные стремительные пробежки, охотно куда-то карабкается, ведет себя на редкость свободно и раскованно, привлекая внимание даже в массовке. С каким удовольствием наблюдает она, скажем, за пляской американца Картера из спектакля «Темп-1929», а в разгар всеобщего веселья еще и лихо свистит в два пальца.

Трудно угадать, что еще сыграет Мурина. Нечто неожиданное, ломающее сложившееся о ней представление? Или вновь обитателя мира, где носятся в хороводе верхушки домов, бабушки с вязаньем, ушастые кошки и коты? Того счастливого мира, который то ли пустился в пляс, то ли затеял увлекательную игру: мира, имя которому — Детство...

Т. ИСКАНЦЕВА.